

Исаев К.

ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ НАРОДНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ В КЫРГЫЗСТАНЕ 2005 И 2010 ГОДОВ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

УДК: 343.150.77

I. Великая предыстория. Кыргызы принадлежат к числу древнейших народов Центральной Азии и мира. Сурова история этого народа, который преодолел сложнейший путь в историческом времени и пространстве, сквозь толщу веков прорвался на орбиту современной цивилизации.

Наиболее древними историческими документами о кыргызской государственности является труд «китайского Геродота» СымаЦяня – «Исторические записки» (201 год до н.э.), в котором упоминается о владении кыргызов. Более поздние китайские сообщения, относящиеся к середине I века до н.э., свидетельствуют о том, что кыргызы добились независимости и создали собственное царство. На сегодняшний день известно свыше 120 древнекыргызских текстов о Енисее, в которых наши предки поведали о своем государстве, его структуре, своих правителях, военначальниках и дипломатах.

Отстаивая с оружием в руках свою независимость, кыргызский народ донес до наших дней великую ценность – идею национальной государственности. На протяжении веков идея национальной государственности то ярко разгоралась, обретая реальное воплощение, то затухала. Она жила в сознании людей, вела их на ратный подвиг и на жертвы во имя своего народа, помогала нации выживать и в смутные времена, и в эпоху иноземных нашествий.

Большую часть двадцатого века, более 70 лет, страна находилась в составе СССР, после распада которого, в 1991 году, объявила себя суверенным, независимым государством – Кыргызской Республикой (Кыргызстан). После 12 веков, со времен великого Кыргызского каганата, произошло событие великого исторического значения, народ вновь воплотил заветную идею государственности и обрел независимое государство.

В 2002 году на 57-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН была единодушно принята резолюция о международном признании 2200-летия кыргызской государственности. В 2003 году Кыргызстан отметил 2200 лет своей государственности.

II. В «гео»-измерениях. Кыргызстан является сердцем Центральной Азии в «географическом» смысле слова. Он занимает небольшую территорию,

наделенную величественными горами, высотой в несколько тысяч километров. Более 90% земель расположено выше 1500 метров над уровнем моря, а самой высокой точкой является Пик Победы – 7439 метров.

Горные массивы порождают резко континентальный климат, а также во многом определяют образ жизни населения страны. Горные цепи, образуя естественные барьеры, являются дезинтегрирующим фактором административно-территориальных подразделений (областей и районов) и ослабляют внутреннюю коммуникацию. Географическая раздробленность ухудшает эффективность государственного управления, создают условия для роста социальных противоречий в культурно-этническом, политическом и экономическом аспектах.

Вместе с тем, именно горы в качестве своеобразных «аккумуляторов» пресной воды обеспечивают современному Кыргызстану статус обладателя наибольшими запасами гидроресурсов во всей Центральной Азии. По уровню обеспеченности местным речным стоком на одного человека в год Кыргызская Республика многократно превосходит другие государства региона, что является одним из основных аспектов его геополитической «привлекательности».

В геополитическом и глобальном измерении Кыргызстан находится в пограничной ситуации между четырьмя системами больших пространств: российской (евразийской), исламской, западной (американской) и китайской. Подобное геополитическое расположение страны обуславливает многовекторность внешней государственной политики. Одновременно такая ситуация создает и немало трудностей в определении приоритетов. Особенную остроту этот вопрос приобрел в период суверенитета Кыргызской Республики. Следует отметить, что свергнутые политические режимы часто использовали внешнеполитический вопрос в целях личного (семейного) обогащения, что нанесло серьезный урон международному имиджу страны. Эта проблема еще не снята с повестки дня. Страна и сегодня находится в центре столкновения глобальных интересов.

III. «Сделано в СССР». Кыргызстан вступил на путь самостоятельного государственного становления с солидным «советским» наследием. Экономический путь страны для кочевого кыргызского народа является революционным скачком с самых низовых ступеней технологического развития к значительным масштабам индустриализации.

При советском союзе Кыргызская ССР квалифицировалась как аграрно-индустриальная страна с достаточно высоким уровнем развития легкой промышленности. Удельный вес этой отрасли в промышленном производстве составлял 27,4% (1990 г.). К 1991 г. в структуре национального дохода сельское хозяйство составляло 37%, промышленности – 28%, торговля – 7%, строительство – 6%, транспорт и связь – 4%, другие – 18%. В целом доля межреспубликанского вывоза производимой продукции к 1990 г. колебалась от 17,5 до 25,4% [20 лет независимости..., 2011].

Наряду с этим, горнодобывающая отрасль Кыргызстана занимала существенную нишу в экономике СССР. Так, доля республики в общесоюзном производстве минеральных продуктов в отдельные периоды по свинцу составляла 15-18%, ртути – 40-100%, сурьме – 100%, редкоземельным металлам до 30%, урану – до 15%. Кадамжайский сурьмяной комбинат давал около 15% мирового производства сурьмы. В горнометаллургической промышленности было занято до 50000 человек, а до 110000 человек были задействованы в поисках и разведке месторождений полезных ископаемых. Со времен второй мировой войны, с 1940-х годов добыча угля велась в громадных масштабах, а в 1979-году достигла своего апогея – 4900000 тонн в год. К концу 1980-х годов добыча «черного золота» заметно сократилась. При этом добывалось 495000 тонн, что во много раз превышало потребности местного населения (в среднем 190000 тонн в год) [Горнодобывающая промышленность..., 2005].

Бурное развитие промышленности позитивно повлияло и на сельское хозяйство. К 1991 году площадь сельскохозяйственных угодий составляла 10,1 млн. га, а доля отраслей животноводства в общем объеме сельскохозяйственной продукции составляла более 60%. Огромное развитие получило машиностроение, производство строительных материалов, легкая и пищевая промышленности. В частности производство мяса, муки и сахара составляло порядка 24,8% всей индустрии республики. Поставлялось более 70 видов продукции машиностроения (приборостроения) для предприятий СССР, а 60 видов продукции экспортировалось в зарубежные страны. Если в начале XX века доля промышленности в хозяйстве республики составляла всего 5%, то в начале 1980-х годов она возросла до 30% [20 лет независимости..., 2011].

Сложилась многоотраслевая экономика с преимущественным положением у промышленности. По значимости структурных преобразований и масштабам роста экономики (опережавшие по

многим параметрам среднесоюзные темпы), высокий уровень индустриализации в этот период, получило в среде экономистов вполне обоснованное название «экономического ренессанса» Кыргызской ССР [Койчуев, 2007].

Однако, очень скоро, уже к 1992 году национальный доход Кыргызстана снизится на 26% по сравнению с предыдущим (1991) годом, промышленное производство упадет на 27%, а сельскохозяйственное на 38%. Так Кыргызская Республика вступала в суверенный, постсоветский этап своего развития, бездарно растеряв аккумулированный в советское время экономический «заряд» для дальнейшего прыжка к индустриализации и технологизации своего государства.

IV. Цунами рынка и революции: коммодификация всего и вся. Обращаясь к истокам, причинам и самой природе социальных народных революций, имевших место в новейшей истории суверенного Кыргызстана, следует сразу же оговориться, что они интерпретируются по-разному, высказываются различные точки зрения в научных, экспертных сообществах и политических кругах. Безусловно, имеется свой взгляд также у международного сообщества. Но, мы склонны воспринимать это в качестве естественного процесса осмысления сути этих резонансных событий, которые не являются лишь внутренней проблемой маленькой страны, а глубоко «симптоматичны» и для всего постсоветского политического пространства.

Вместе с тем, сегодня историческая дистанция не дает нам обозреть, как говорить в полный рост, и дать всеобъемлющую оценку сущности кыргызских революций. Потому что она слишком короткая. Несмотря на это, бесспорным остается тот факт, что носителем революционного «заряда» и их реализатором выступил простой народ. И мы попытаемся обозначить ряд обстоятельств, приведших к развертыванию революционной «пятилетки» (2005-2010).

Падение Советского Союза принесло инволюцию экономики, а не ожидавшуюся революцию с наступлением капитализма, и открыло тропу вестернизации к бывшим союзным республикам. Для обретшего суверенитет Кыргызстана рыночные отношения стали безальтернативным способом дальнейшей жизнедеятельности страны. Переход к рыночным механизмам, вхождение в мировой рынок и следование моделям вестернизации, практически уничтожили хозяйственные структуры. В частности, масштабному разрушению подверглись сельское хозяйство, в организационном плане базирующееся на коллективных хозяйствах, предприятия обрабатывающей промышленности, работавшие в единой схеме советской промышленности. К примеру, многие виды сырья привозились, сельскохозяйственное сырье, напротив, вывозилось из страны на переработку, квали-

фицированная рабочая сила привлекалась из других союзных республик и т.п. Доминирующая часть промышленных объектов нуждались в перепрофилировании. По сути, Кыргызстан оказался в условиях архаизации экономики. Так, значительная часть фермерских хозяйств по причине отсутствия техники (и технологий) и элементарных химических удобрений скатилась к натуральному ведению хозяйства. В результате чего, республика уже не может в полной мере обеспечивать себя продовольствием, и вынуждена его импортировать из-за рубежа. Подобные процессы затронули и промышленность, которая фактически уничтожена.

Кроме того, путь вестернизации привел к глубокой трансформации социальной структуры, кризису общественного и нравственного бытия людей. Произошел разрыв социальных связей, разрушение прежних социальных групп, что привело к росту маргинализации населения. Внутренняя массовая миграция (из сел в города) породила обширную безработицу, неформальный сектор занятости и городской пауперизм. Сотни тысяч людей оказались исключенными из нормальной структуры занятости, выключенными из производственного процесса, работая в сфере мелких услуг, розничной и лоточной торговли, примитивного («кустарного») предпринимательства и разовых задействований.

Западные (капиталистические) страны «осваивали» тонкости рыночных взаимоотношений более 150 лет. В рамках этого периода они пережили несколько волн экспансии рынка, которые сопровождались вначале «коммодификацией труда, затем денег и на третьей волне – превращением в товар окружающую среду, землю и тело». «Изучая падение продолжительности жизни, демографы показали, что от капитализма умерло столько же людей, как и от ужасов сталинской коллективизации» [Буравой, 2009].

Суверенный Кыргызстан захлестнула третья волна экспансии рынка, где практически все было коммодифицировано. На долю республики выпала тяжелая ноша. Ей пришлось пройти более полуторавековой этап капиталистического развития всего лишь за 15 лет. Она словно прошла через «ускоритель» исторического времени и вышла оттуда абсолютно другой и изрядно потрепанной.

В обществах, принявших вестернизацию, последняя приводит к установлению так называемого «периферийного капитализма». Основы концепции зависимого развития и периферийного капитализма были заложены выдающимся латиноамериканским экономистом Рауль Пребишем. Суть концепции о периферийном капитализме заключается в том, что мировая капиталистическая экономика четко разграничена на центр, который включает в себя несколько высокоразвитых индустриальных держав, и периферию, которую составляют в основном аграрные страны. Периферийные страны находятся в экономической

зависимости от центра, что препятствует их развитию и обуславливает их отсталость. Периферийный капитализм развивается по иным законам, вследствие чего неоклассические экономические теории не пригодны для их анализа и понимания. Его особенность заключается в двойственности развития общества, где, с одной стороны, периферийный капитализм ведет к появлению своеобразных анклавов модернизированного производства и «современного» образа жизни, а с другой – к постоянному сохранению отсталости и архаизации доминирующей части общества. Развитие периферийного капитализма есть воспроизводство обездоленности. «Система исключает широкие массы населения, которые оказываются обреченными на прозябание на дне социальной структуры» [Пребиш, 1992:22].

Сегодня Кыргызстан утратил былой индустриальный облик, превратилась в развивающуюся отсталую аграрную страну. С 1991 года 1995 год ВВП страны практически сократился в два раза (на 45%), а к настоящему времени в более чем 12 раз привело к резкому снижению уровня жизни людей [20 лет независимости..., 2011:68-69]. Большинство населения Кыргызстана оказалось за чертой бедности, лишившись своих рабочих мест и перспектив на будущее. Падение национальной экономики было стремительным и катастрофическим по своим масштабам. По мнению экспертов, экономические потери этого периода по своим масштабам для национальной экономики сравнимы с временами Великой депрессии в США [Доулинг, Вигнарая, 2005].

Если в 1990 году доля индустриального сектора в экономике страны составляла около 42%, то к концу 2005 года она снизилась до 12-16%. Кыргызстан в 2005 году среди стран СНГ занимал последнее место по росту промышленного производства (-9,8%). По данным Межгосударственного Статического комитета СНГ в среднем, по странам содружества рост промышленного производства составил в 2005 года 5% Темп роста ВВП составил около 4%, в то время как у других стран СНГ среднегодовые темпы роста ВВП были значительно выше – около 7% [Информация межгосударственного...]. По данным исследования Всемирного банка в 2005 году Кыргызстан занимал 84 место среди 150 стран по легкости ведения бизнеса, а в 2004 году по оценке TransparencyInternational страна занимала 126 позицию среди 146 стран по уровню коррупции [Рейтинг...].

Спад промышленности и торговли, разрушение системы коллективных хозяйств и сельской инфраструктуры, разрыв единого социально-экономического и политического механизма активизировали миграционные процессы. К примеру, за двадцать лет независимости Кыргызстана только русские сократились с 916,6 тыс. человек (21,5% к общей численности) до 419,6 тыс. человек (7,8% к общей численности) [20 лет независимости...,

2011]. Страну покинули в подавляющем большинстве квалифицированные рабочие, инженерно-технические работники, представители интеллигенции (научного, культурного сообществ), вернув республику в процесс фактической демодернизации и деиндустриализации.

Параллельно, на протяжении всего периода независимости республики, росла интенсивность внутренней миграции, которая характеризовалась притоком молодежи из сел в крупные города, в особенности в столицу страны – Бишкек. В результате возле основных городов, в частности вокруг столицы образовались целые «пояса нищеты». На настоящий момент вокруг города Бишкек образовались более 140 новых жилых массивов (стихийно возникшие поселения путем самовольного захвата сельскохозяйственных угодий). В этом ключе малообеспеченные жители представляли собой «готовый» материал для массовых волнений.

В период до первой революции (до 2005 года) практически были предприняты все необходимые системные меры, заложившие основы необратимого пути Кыргызстана к рыночной экономике. Молчаливое большинство уже приняло в руководство рыночные механизмы и правила новой игры. Однако, к 2005 году так и не был достигнут уровень экономического положения, соответствующего уровню 1990 года. Уровень бедности и безработицы оставался крайне высоким: насчитывалось 45,9% бедных и 13,4% очень бедных. В целом, весь предреволюционный период распределение денежных доходов общества происходило в пользу высокодоходных групп. Так, если в 1990 году у 20% высокодоходных групп в Кыргызстане денежные доходы были практически в 3 раза выше, чем у 20% низкодоходных групп, то в 1995 году этот разрыв был выше в 7 раз, а к 2000 году увеличился до 10 раз [20 лет независимости..., 2011].

Объявленная в 2006 году новой политической властью республики (режима второго президента) Стратегия развития страны на период 2006-2010 годы преследовала амбициозные цели. К примеру, согласно стратегии предполагалось, что за это время ВВП должен возрасти на 41%, душевой ВНП на 50%, а уровень бедности должен быть ниже 30%. Но реальная жизнь страны продемонстрировала, что намеченные планы были весьма утопичными. За программный период сказочно разбогатели лишь члены политической верхушки.

По обследованиям Всемирного банка, прирост ВВП республики в 2007-2009 годы была достигнута не за счет развития технологий (как указывалось в стратегии), а в основном за счет торговли (базаров) и швейного производства. Так, по экспертным данным, общий объем продаж на существующих трех самых крупных базарах Кыргызстана составил 4,3 млрд. долларов США в год, а ВВП страны в 2008 году не превышал 5,1 млрд. долларов США. Действительно, базарная торговля и швейное

производство превратились в одного из главных экономических механизмов постсоветского Кыргызстана, обеспечивающих занятость до 700 тыс. граждан.

Значительным фактором, поддерживавшим экономическую жизнеспособность республики, стал денежные переводы трудовых мигрантов, численность которых в период революционной пятилетки достигал до 500-700 тыс. (по экспертным данным около миллиона) человек. Только за 2009 год денежные переводы только из России в Кыргызстан по данным Центрального Банка РФ составили 894 миллиона долларов США, а средняя сумма одной операции была равна 372 долларам США. Для Кыргызстана это огромная сумма – примерно 27% внутреннего валового продукта. На фоне напряженной ситуации, на внутреннем рынке труда этот источник дохода являлась (и является) очень важным для населения в поддержании минимального уровня жизни.

Другим фактором, обеспечившим экономическую жизнь страны в рассматриваемый период, стал рост цен на золото на мировых рынках. Добыча золота играет крайне важную роль в экономике республики, так как обеспечивает 8% ВВП, около 40% от общего уровня экспортных поступлений и 30% от совокупного объема промышленного производства республики [Материалы...]. Но, золотодобыча, в частности одно из крупнейших месторождений золота «Кумтор» оказалось фактически во внешнем управлении и в руках компрадорской национальной буржуазии, а доходы лишь в незначительной степени поступали в национальную «копилку».

Либерализация экономики государства сопровождалась также либерализацией политической системы. Стала активно формироваться институт политических партий (около сорока), гражданский сектор, которого представляли более шести тысяч неправительственных организаций. Такого еще ни в одной стране СНГ не наблюдалось. Модернизация экономики преимущественно коснулась области средств массовой информации. В республике действовал более ста печатных изданий и электронных СМИ.

Вестернизация, распространяемая на все сферы общества и периферийный капитализм стали осуществляться с опорой на узкий слой компрадоров, готовых продать интересы своих народов за собственное благополучие. Национальная элита окрасилась в цвет компрадорской буржуазии, осуществляющей торговое посредничество с иностранными компаниями на внутреннем и внешнем рынках, продающей природные ресурсы, землю и выкачивающей доходы в пользу иностранного капитала.

Одновременно с рыночными экономическими реформами, зачастую намного опережая их, в постсоветском Кыргызстане осуществлялась политическая трансформация. Анализируемый нами

период имеет один наиболее важный политический оттенок. Это – формирование «нового» управляющего политического класса, национальной политической элиты. Становление политического истеблишмента происходило на фоне формирования государственной политической системы с сильным креном в сторону этнократии. Одной из отличительных черт этнократии, по мнению российского социолога Ж.Т. Тощенко, является их клановость в осуществлении властных полномочий, оживление и возрождение амбиций и претензий различных племен, родоплеменных образований. Факты клановости составляют основу противостояния различных этнополитических групп [Тощенко, 2004].

Родоплеменные отношения, которые «реанимировались» позднее, в рамках современного государственного строя в форме кланово-корпоративного трайбализма, играли базовую роль в социально-политическом устройстве и межличностной коммуникации в кыргызском социуме, как и во всех восточных государствах. До обретения государственной независимости, в Кыргызстане долгие годы родоплеменные отношения сохранялись в «замороженной» форме под диктатом советского тоталитаризма, которые затем получили бурное развитие и приобрели доминантный характер. Сегодня, деление по родам как на уровне повседневной социальной практики, так и на уровне государственной политики стало значимым фактором, обеспечивающим некие гарантии и преимущества. Так, наличие в составе определенного клана высокопоставленного чиновника укрепляет позицию всего рода, а его снятие с должности (ухода с политической арены) снижает статус клана.

В массовом сознании населения Кыргызстана доминирует наряду с родоплеменными критериями, также и региональная самоидентификация, которые в купе довлеют над национально-государственной идентичностью. Исторически сложилось так, что традиционные области (ранее - кантоны) Кыргызстана составляют географически изолированные горными хребтами политические образования. Каждая область (их семеро) имеет свою родоплеменную обособленность, привержены своей субкультуре, родоплеменным культурным ценностям, образу жизни. При этом, генеральная линия водораздела, которая сегодня определяет процесс формирования правящего класса, и в целом внутреннюю политику страны, проходит между двумя географическими сегментами – югом и севером республики.

На долю северной части в советскую эпоху выпала роль политического центра, что обусловило ее приоритетное развитие в социально-экономическом и культурном планах. Следует отметить, что политическая, научная и творческая интеллигенция преимущественно формировалась из состава северян. Вместе с тем, в южных областях проживает значительная часть кыргызского

населения и самая большая узбекская диаспора. Регионализм, региональная и родоплеменная принадлежность в постсоветском Кыргызстане приобрела политический характер, и оказывает сильное влияние на формирование политическое элиты. Борьба за политическую власть во многом имеет межрегиональную окраску.

Таким образом, современный кыргызский клан – своеобразный кыргызский политический феномен – это не только совокупность влиятельных семей и родоплеменных критериев, но и сообщество, опирающееся на региональный признак. Подобная система отношений подразумевает принцип патронажа, где рекрутинг в политический круг осуществляется строгим подбором из числа родственников, земляков, представителей нужного рода. Такая схема коммуникаций глубоко пустила корни и держит в своих крепких объятиях весь социум, порождая соответствующую модель политической культуры. Так, для политических реалий постсоветского Кыргызстана стала нормой организации «оперативных» митингов из нескольких сот человек до нескольких тысяч из числа своих соплеменников в случае возникновения проблем у чиновника – представителя клана.

С избранием первым президентом республики представителя северного клана на ключевые политические посты пришли именно северяне. Хотя они и в советский период занимали большую часть руководящих должностей. Вместе с тем, справедливости ради, следует отметить, что первый президент предпринимал определенные меры для устранения регионального кланового дисбаланса, назначая на высокие должности представителей из южных регионов. Несмотря на это, крен политической элиты страны в пользу северян не был до конца преодолен, и межклановая диспропорция продолжала накапливать критическую массу.

Как известно, внутренняя стабильность государства зависит от того, настолько равномерно распределены политические ресурсы и материальные блага в обществе, насколько пропорционально представлены в эшелонах власти различные группы элит.

Кыргызский политический феномен, порожденный кланово-корпоративным трайбализмом, региональным разрывом между севером и югом страны, в итоге сам стал питательной средой для кардинального переустройства всей конструкции политической элиты в рамках народных революций 2005 и 2010 годов.

В 1990 году, с введением института президента, в стране были внедрены элементы парламентской республики, то есть президент избирался парламентом, и был зависим от него. Но очень скоро в Кыргызстане стал разыгрываться политический сценарий, удивительно похожий на тех, которые реализовывались в соседних центральноазиатских республиках. Уже через год, в

1991 году первый президент подтвердил свои полномочия на всенародных безальтернативных выборах, набрав около 96% голосов. Шел перманентный процесс изменения Конституций. Первая Конституция суверенного Кыргызстана была принята парламентом, а не путем всенародного голосования 5 мая 1993 года. Затем она подвергалась изменениям в 1994, 1996, 1998, 2003 годы. За годы независимости до мартовских событий 2005 года правительство назначалось и уходило в отставку 10 раз, сменилось 8 премьер-министров, средний срок пребывания в этой должности составил немногим более года.

Полномочия парламента постоянно сокращались, а президента все более возрастали. Таким образом, постепенно, но уверенными шагами претворялась в жизнь модель сильного президентства, где глава государства, обладая всеми ключевыми полномочиями по формированию, текущему руководству органами исполнительной власти, формально не отвечал за ее деятельность.

С ростом влияния «семьи» первого президента во все сферы социально-экономической и политической жизни страны, стал окончательно разрушаться хрупкий клановый баланс.

В этом ключе можно отметить, что после мартовской революции 2005 года формирование политической элиты, выстраивание внутренней политики и властных механизмов стали развиваться по своему собственному, особенному закону - «ускорения исторического времени». За период, охвативший менее 5 лет, послереволюционный суперпрезидентский режим с удивительной скоростью начал узурпацию власти и аккумуляция стратегических финансовых ресурсов и других материальных благ страны в руках семьи. В итоге все национальное (народное) богатство республики перешло из рук одной правящей «семьи» к другой. Это стал главным горьким «плодом» революции 24 марта 2005 года.

Со времен режима первого президента во внешней политике культивировалась и реализовывалась концепция многовекторности (мультивекторности). Суть ее заключалась в соблюдении баланса во взаимоотношениях с такими странами как Россия, США и Китай, геополитические и геоэкономические интересы которых в этом регионе часто пересекались.

На заре третьего тысячелетия геополитическое противостояние держав в центральноазиатском регионе вышло на новый качественный уровень. Кыргызстан вплотную включился в процессы мировой геополитики в 2001-2002 годах с появлением в республике военных баз США, а затем и России. При этом следует отметить, что в Кыргызстане целенаправленно и системно наращивала свое влияние преимущественно США. С началом 2000 года начался этап активного проникновения США в регион, одним из главных аспектов которого стало тесное взаимодействие

американских правительственных (и не только) структур с политическими партиями и неправительственными организациями страны.

Несмотря на это обстоятельство, официальный Кыргызстан в силу объективных (историко-культурных, географических и др.) причин все же придерживался «пророссийского» вектора. Открытие российской военной базы в республике (г. Кант) стало своеобразной балансировкой геополитических интересов держав. Российская база также стала главным предметом беспокойства для неоимпериальной политики США.

В создании революционной ситуации важнейшую роль сыграли и неправительственные организации (НПО), численность которых достигала более 6 тысяч (!) и средства массовой информации, главную помощь которым оказывал Национальный демократический институт (NDI), а также ряд других американских организаций: «Freedom House», «Корпус мира», «Каунтерпарт Консорциум», «Фонд Евразия», «Фонд Сороса», Институт по освещению войны и мира. Например, «FreedomHouse» организовал в Кыргызстане типографию «Центр поддержки СМИ» для издания газет оппозиции.

В связи изложенным выше, при рассмотрении истоков революции, имевшей место в 2005 году, не стоит сбрасывать со счетов и внешние, геополитические факторы.

Итак, при анализе истоков кыргызских революций 2005 и 2010 года можно проследить ряд схожих обстоятельств. Вместе с тем, необходимо принимать во внимание, что в реализации народных революций имели место комплекс причин, в числе которых можно назвать следующие.

В 2005 году:

1. Вестернизация и периферийным капитализм, приведшие к плачевному состоянию экономики и низкому уровню жизни населения со всеми вытекающими отсюда последствиями подготовили благоприятную почву для революционных преобразований клановой политической системы (это обстоятельство относится и к периоду, предшествовавшему апрельской революции 2010 г.);

2. Дисбаланс политических сил, диспропорция в представительстве элитных групп в формировании правящего класса служил в качестве аккумулятора политических противостояний между северными и южными политическими кланами (этот фактор также хорошо характеризует период между первой и второй революциями);

3. Благие демократические намерения, переросшие в итоге в автократию и ее вырождение в «семейно-клановый» режим, контролирующий практически все национальные ресурсы страны, ограничивающий демократические свободы (слова и действия);

4. Продления полномочий президента и сам факт третьего срока президентства (первого

президента) заложила под правящий режим мину замедленного действия;

5. Парадигма многовектерности внешней политики сыграл злую шутку с Кыргызстаном, которого превратил в объект геополитических интересов мировых держав. В результате, влияние внешних политических сил, приобрело в 2005 году форму прямого вмешательства США во внутренние дела республики.

6. Рост криминализации, сращивание властных структур с криминальным миром;

7. Рост коррупции во всех сферах социума (при правлении второго президента она достигла невиданных масштабов, пожирая основы государственности);

8. Расстрел мирных демонстрантов в 2002 году на юге республики («аксыйские события»);

9. Несправедливые парламентские выборы 2005 года (где баллотировались и прошли в парламент сын и дочь первого президента), сыграли роль спускового крючка революционных процессов.

2010 году:

10. Реставрация (первым президентом) свергнутого авторитарного режима и строительство суперпрезидентской республики;

11. Семейно-клановое правление, достигшее своего пика «расцвета», абсолютный контроль «семьи» над всеми финансовыми потоками, политическими рычагами влияния, попытка изменения конституционного строя страны и утверждение «монархической» формы правления;

12. Создание неконституционных властных структур под отдельных членов «семьи»;

13. Сомнительные (преступные) финансовые связи правящей семьи с международными структурами и с организованной преступными и финансовыми группировками;

14. «Плохие» игры с геополитикой (манипулирование со статусом американской военной базы, сроками ее пребывания в стране, внешними кредитами, в т.ч. из России, проблемы с поставками нефтепродуктов из России), утрата доверия со стороны стратегических партнеров;

15. Репрессии в отношении СМИ и оппозиционных политических сил вплоть до карательных мер и убийств (что в немалой степени имело место и в преддверии 2005 года);

16. Нереализованность ожиданий (в частности, демонтаж авторитарно-семейной системы правления) у общества от революции 2005 года;

17. Рост тарифов на электроэнергию и тепло для населения (когда зима еще не закончилась), арест в начале апреля лидеров оппозиционных сил стали тем спусковым механизмом, который привел к апрельской революции и очередному бегству главы государства из республики.

Таким образом, проведя исторические параллели между двумя революциями можно обнаружить много общего (схожего), а также и специфические черты в организационном плане (см. таблицу). Это

касается в частности механизмов осуществления революционных сценариев.

	24 марта 2005 г.	7 апреля 2010 г.
Решающий импульс революций	Фальсификация парламентских выборов	Повышение тарифов на электроэнергию и тепло
Человеческий ресурс революций	Народ Кыргызстана, в частности молодежь (мобилизованная через молодежные организации) преимущественно из регионов,	Народ Кыргызстана, преимущественно о молодежь (стихийно организованная) из окраин столицы (новостроек, близлежащих сел)
Характер смены власти	Более подходить определение «бархатное», ненасильственное, тяготеет по своему характеру к т.н. «цветным революциям»	Наличие насилия, человеческих жертв: погибло 87 человек, преимущественно о молодые люди, более 1500 человек получили ранения, в том числе пулевые
Реализация революционных сценариев	Значительная роль сети неправительственных организаций (гражданского сектора) в мобилизации и активизации протестного потенциала населения, целенаправленная работа, участие криминала (с юга), влияние внешнего «игрока».	Преобладают элементы стихийной организации людских масс, дистанцирование гражданского сектора, стремительное и неожиданное развитие событий, участие криминала (с севера)
Судьба свергнутых президентов	Бегство из Родины	
Постреволюционный политический курс	Суперпризденство	Парламентаризм

У. Социология как «буревестник» революции.

Сегодня идея о том, что процветание современных обществ в значительной степени зависит от эффективного социального управления, становится своеобразной аксиомой. Достижение результативного

социального управления невозможно без знания реального положения дел в социуме, без все стороннего анализа и постижения происходящих в нем процессов. Этим объясняется возрастающая потребность современного мира в научном знании и информации, вырабатываемых социологией.

Обращаясь к истории, хотел бы отметить, что институционализация социологии как науки и профессиональной деятельности началась в Кыргызстане относительно недавно, с 60-х годов прошлого столетия. Становление кыргызской социологии пережил и переживает весьма трудный процесс становления и развития. Сказывается узкая база научного кадрового ресурса, т.е. малочисленность социологов-профессионалов, работающих на научном поле. Безусловно, экономическая отсталость страны и отсутствие государственной поддержки также не благоприятствует развитию, как национальной социологии, так и другим отраслям науки в целом. Вместе с тем, играет не последнюю роль и отсутствие у правящего класса научно-социального знания и мышления, что определяет его неприязнь к социологической информации о социуме. Диалог власти и социологии в Кыргызстане не получается. Более того, в те или иные периоды государство предпринимало попытки превращения социологии в служанку власти. Но, таким действиям власти противостояли истинные патриоты науки, которых, к сожалению, единицы [Исаев, 2003].

Несмотря на все трудности, кыргызская национальная социология продолжает свой путь поступательного развития. Сегодня квалифицированных социологов готовят четыре вуза страны, которые ежегодно на рынок труда выпускают более ста специалистов. Научный потенциал национальной социологии с каждым годом растет. В настоящее время на научном поприще плодотворно трудятся более пятидесяти докторов и кандидатов социологических наук. С 1990 года действует Социологическая ассоциация Кыргызстана, который объединяет социологов-исследователей республики, а с 2010 года является членом Международной социологической ассоциации (ISA).

Сегодня социологическая наука Кыргызстана признается международным социологическим сообществом, как на уровне Центральной Азии, СНГ, Евразии, так и в мировом масштабе. Это происходит благодаря активной и кропотливой деятельности Социологической Ассоциации Кыргызстана и его руководителя, который с 1997 года представляет кыргызскую социологию на глобальных конгрессах: XVII Всемирный конгресс Международной ассоциации политических наук, Сеул, Корея, 1997 год; XIV Конгресс Международной социологической ассоциации, Монреаль, Канада, 1998 год; XV Конгресс Международной социологической ассоциации, Брисбен, Австралия, 2002 год; 36-й Конгресс Международного института социологии, Пекин, КНР, 2004 год; XVI Конгресс Международной социологической Ассоциации, Дурбан, ЮАР, 2006

год; I конгресс социологов тюркоязычных стран, Коджаэли, Турция, 2005 год, II конгрессе социологов тюркоязычных стран, Алматы, Казахстан, 2008 год; I Форум Международной социологической ассоциации, Барселона, Испания, 2008 год, II Форум Международной социологической ассоциации, Буэнос-Айрес, Аргентина, 2012 год, а также ряд Всероссийских социологических конгрессов. Таким образом, процесс становления и развития социологии в Кыргызстане продолжается, идет в ногу со временем в условиях глобализации.

В свете вышеизложенного, большого одобрения заслуживают идеи о «публичной социологии» выдающегося социолога современности, президента МСА Майкла Буравого. Мне кажется весьма обоснованным его мнение о том, что «если точка отсчета экономической науки – рынок и его расширение, а точка отсчета политологии – государство и гарантия политической стабильности, то отправная точка социологии – это гражданское общество и защита общественного. Во времена рыночной тирании и государственного деспотизма социология – и в особенности ее публичный аспект – защищают интересы человечества» [Буравой, 2008].

Буравой обозначил четыре пути (варианта) для публичной социологии. Одни социологи «могут стать союзниками государства в борьбе против рынка в надежде использовать в своих интересах то, что останется от государственного сопротивления. Такая прикладная, заказная наука основана на поиске внутрисоциальных сфер, призванных служить алтарями рынка. Социологи могут пойти по второму пути, спрятать голову в песок, заявив о том, что прежде, чем они выйдут из своего укрытия, должна быть создана наука. Согласно этой позиции, мы не должны рисковать своей легитимностью, своим существованием, бросаясь в самый очаг бури. Профессиональные социологи, затаившись, ждут, пока буря пройдет стороной и надеются на то, что она не сметет их вместе с обществом. Третий путь – это выступать против первых двух подходов: писать труды, развенчивающие их моральную нищету, бесконечно сетуя на тех, кто заодно с этим злом, которое воплощается в государстве и рынке. Однако в разгар бури апологеты критической социологии вызывают к почти опустевшей аудитории. Тем не менее, есть четвертый путь, отвергающий сотрудничество с государством и рынком, – позиция, согласно которой наука без политики слепа, а критика без действия пуста; подход, призывающий социологов напрямую вмешиваться в дела общества, до того как оно окончательно погибнет. Такой подход я называю публичной социологией. Мы должны не просто пассивно служить обществу, но сохранять и поддерживать его» [Буравой, 2008].

По аналогии с классификацией Майкла Буравого относительно разновидностей публичной социологии, можно утверждать, что в развитии национальной кыргызской социологии более или

менее отчетливо сложились две категории социологов. Пожалуй, первую (и многочисленную) из них составляют те группы социологов, которые «закопали голову в песок» и ушли в университеты, дабы добросовестно развивать академическую науку. Они изредка высказывают свое мнение на страницах газет (СМИ), где комментируют те или иные вопросы общественной значимости.

Другую, гораздо малочисленную, группу образуют те социологи, которые не боятся, что выступления вне пределов науки, против власти подорвут их репутацию, станут угрозой их жизнедеятельности. Они работают в тесной связи с видимым, активным, зачастую с протестным сообществом, народом в целом, который превратился в периоды правления семейных режимов в «контр-публику». Несмотря на трудное положение, кыргызская социология, в частности «публичная социология», сегодня держится исключительно на плечах горстки ее патриотов и фанатов. Они доносили до публики социологическую информацию о состоянии и проблемах общества. В свое время они первыми били в колокола, поднимали тревогу, беря на себя роль «буревестников» приближающихся народных революций. Потом они выходили на митинги вместе со своим народом против прогнивших политических режимов.

Свергнутые политические режимы современного Кыргызстана в те или иные периоды своего правления предпринимали попытки запрета «публичной социологии». Власть предпочла игнорировать социологические диагнозы, и была жестоко наказана самой историей. Незнание своего социума – одна из главных причин и низкого качества управленческих решений, и всяких громких прожекторских лозунгов, призывов, стратегий и прочих. Неинформированность людей – «низов» о «верхах», «верхов» о «низах» рождает недоверие, которое будучи скрытым, не становится менее опасным.

Анализируя исторические события, мы все больше убеждаемся, что при позитивном диалоге социологии и власти можно было избежать многих социально-политических катаклизмов, оставивших глубокую рану на теле молодого кыргызского государства, отгородить страну от межнациональных кровопролитных столкновений и не менее кровавых народных революций по свержению антисоциальных политических режимов.

Постоянный рост уровня недоверия граждан к институтам государственной власти, самому президенту страны фиксировали социологические исследования, проведенные в те или иные периоды суверенитета Кыргызстана. Наличие кризиса легитимности власти, падение доверия населения к властным структурам, предшествовавшие народным революциям еще с 1991 года неоднократно находили отражение в результатах мониторингов кыргызских социологов, и продолжается поныне. Так, если первый президент до 1993 года в политическом рейтинге занимал первое место, в

последующие годы стабильно терял лидирующую позицию. В эти периоды окружение первого президента всячески препятствовало, создавало искусственные препоны, чтобы публикации социологов не увидели свет, подвергали их гонениям, «снимали» с занимаемых должностей в университетах, доходило дело и до личных угроз расправой. Несмотря на это, кыргызские социологи не прекратили работу, продолжали свои исследования, выступали по телевидению и радио, публиковали свои работы в газетах, веб-сайтах, участвовали в дискуссиях и дебатах, народных курултаях (собраниях) и митингах [Исаев, 2010:8].

С 2002 года стремительно падал рейтинг первого президента, а социологические замеры, проведенные в январе и марте 2005 года (т.е. незадолго до перовой революции) свидетельствовали, что политический рейтинг власти в целом не превышал одного балла в рамках пятибалльной шкалы оценок, к тому же большинство членов правительства того периода получали отрицательную оценку. Социологические исследования, проводившиеся в 1991-1993 показали, что ранее выявленные причины обострения межэтнической ситуации в Кыргызстане в 90-е годы не были решены в свое время, не последовала адекватная реакция властных структур, что привело к повторению кровопролитных межэтнических столкновений 2010 года на юге республики. Кроме того, социологические исследования проводились по проблемам, относящимся к экономической сфере. Так, социологи в рамках исследования «Кыргызская Республика: общественные изменения при переходе к новому состоянию» изучали последствия массовой приватизации общественной собственности в 1990-х годах. В 4-х книгах написанных по результатам социологического исследования были ясно и четко продемонстрированы пристрастность, несправедливость, беззаконие, которые имели место в процессе приватизации и порождали социальную напряженность. Делались неутешительные выводы о критическом расширении пропасти между богатыми и бедными, и что это не исключает вероятность социального взрыва. Но, на последующие исследования социологов в этом направлении со стороны официальных властей был наложен запрет. Были осуществлены также исследования в рамках международных проектов: «Демократия и местная власть», «Условия жизни, социальное качество и здоровье», «Экономические, социальные и политические показатели в условиях общественных изменений», по результатам которых выпущены ряд книг и статей на английском, русском и кыргызском языках, подготовлены несколько докторских и кандидатских диссертаций [Исаев, 2010:6-17].

Как отмечает Майкл Буравой, на данном этапе глобальное общество переживает третью волну маркетизации и в соответствии с этим разделяет три вида социологии. Третью он называет «публичной

социологией», которая является реакцией на процессы коммодификации в ходе третьей волны экспансии рынка. Буравой ставит весьма актуальный вопрос: «Сможет ли социология противостоять маркетизации третьей волны? Или она также подвергнется коммодификации – коммодификации производства знаний в университетах, подчинившись критерию прибыльности?» [Буравой, 2008]. Действительно, экспансия рынка вторглась «в тихую гавань производства академических знаний». В современном Кыргызстане «башня из слоновой кости» - академическая свобода и автономия университетов падает, не устояв под натиском прибыли. Из публичного блага она становится экономическим товаром. Сфера прикладной социологии ушла в погоню за деньгами, превратившись в строго коммерциализированные структуры. Однако, они выполняют заказы лишь заинтересованных сторон.

Социология родилась в период трансформационных социальных перемен начала XIX века. Это было время великих революций – политической, промышленной и городской. Как и 150 лет назад, во времена смятения и социальных трансформаций, теперь уже имеющиеся только локальное, но и глобальное измерение, социология должна выйти на передний фронт интеллектуальной жизни и публичных дебатов. Сегодня вопрос о «гласности» в науке или публичность в социологии (или публичная социология) в Кыргызстане проблема не только нравственная, но и сугубо прагматическая. Как показывает опыт развития нашей страны, отрыв от реальной жизни и практики ведет к теоретической слепоте, склерозу мысли у государства. Социология должна связать социальный диагноз с решением возникших проблем. Созрел исторический момент для смелых и энергичных действий по «вскрытию» истинных причин общественных проблем. Социология должна стать наукой для народа, главным производителем социологической информации для эффективного управления от местного до государственного уровней, и наконец, улучшения жизни всех кыргызстанцев. При этом она не может быть только знанием экспертов для экспертов, ее достижения должны быть доступны обществу. Публичная социология по своей сути является реализацией общественной роли социологической науки.

VI. Нынешний Кыргызстан ликвидировал «семейное» правление, принял новую конституцию, возобновил курс демократического развития, и стала парламентской республикой. Вот самые основные плоды апрельской революции 2010 года. Но за эти завоевания страна заплатила слишком большую цену. Более ста человек пали жертвами режима (более полутора тысяч получили тяжелые ранения), оставив глубокий шрам теле молодой демократии.

Безусловно, революционная пятилетка вызвала глубокую стагнацию и спад экономики страны, по всем показателям. Сегодня устойчивая экономика

еще не сложилась. Имеет место также сильная социально-политическая турбулентность, не дающая стране крепкое, равновесное положение. Вместе с тем в сфере экономики постепенно начинается подъем. Поэтому все еще впереди. Необходимо восстановить индустриальный облик республики, сократить пугающий масштаб бедности населения, сформировать производственный потенциал и т.д. Однако это не будет вторым экономическим ренессансом. Это будет лишь промежуточным этапом на пути к настоящему возрождению нации. Выбраться из разряда отсталых стран и войти в группу развитых является стратегической целью первой половины XXI в.

В более широком масштабе, политические потрясения в Кыргызстане, сопровождавшиеся сменой власти и политического устройства государства, можно также рассматривать в контексте посткоммунистической трансформации, охватившей все страны СНГ. Поэтому, новейшая история Кыргызстана является своеобразным полигоном для поиска оптимальных решений, и в этом плане кыргызские революции дают всем пищу для размышления о своем будущем.

Революционный период суверенного Кыргызстана остро актуализировал проблему будущего. Сегодня слом и поиск нового происходит одновременно по многим направлениям и воспринимается это на первый взгляд как социально-политический хаос. Но в этом хаосе присутствует реально большой запрос народа на позитивное будущее. Несмотря на драматические события и экономический развал, кыргызский народ с удивительным оптимизмом смотрит на будущее. Оптимизм основан не на аргументах, а на желании. Это практически иррациональная вера в будущее – сегодня является главным общенациональным ресурсом страны.

Когда социологи спрашивают людей в Кыргызстане о прошлом и будущем, мнения сильно поляризуются. Оценка прошлого и настоящего вносит раздор. Когда спрашивают людей о будущем, возникает консенсус позитивных ожиданий.

Кыргызстан сегодня способна удержать только идея БУДУЩЕГО. Но эта идея пока расплывчата. Кристаллизация образа будущего только идет. И мы надеемся только на лучшее...

Использованные источники:

1. Буравой М.(2009), «Что делать? Тезисы о деградации социального бытия в глобализирующемся мире», Социс, №4, с. 3-9.
2. Буравой М.(2008а), «За публичную социологию». Общественная роль социологии, перевод Балджи А., ООО «Вариант», Москва, с. 8-51.
3. Буравой М.(2008b), «Публичная социология versus рынок». Общественная роль социологии, перевод Кирсанова Я., Москва, ООО «Вариант», с. 160-173.
4. Государственное агентство по геологии и минеральным ресурсам при Правительстве Кыргызской Республики (2013). *Материалы из архива*. Бишкек.

5. Доулинг М., Вигнарая Г. (2005), *Центральная Азия после пятнадцати лет переходного периода: рост, региональное сотрудничество и выбор политики*, Азиатский Банк Развития.
6. ИПДО (2013), *Годовой отчет по реализации Инициативы прозрачности добывающих отраслей (ИПДО) в Кыргызской Республике за 2012 год*, Бишкек.
7. Информация Межгосударственного статистического комитета СНГ. URL: <http://www.cisstat.com/>
8. Исаев К. (2003) *Моя свобода – моя гордость*, Бишкек.
9. Исаев К. (2005) *2005 год – начало возождения Кыргызстана*, Бишкек, «Шам».
10. Исаев К. (2010) *Кыргызская социология: становление и развитие*, Бишкек.
11. Исаев К. (2011) *Общество и революция*, Бишкек.
12. Исаев К. (2012) *Проблемы кыргызоведения*, Бишкек.
13. Койчуев Т.К. (2007) *Экономика Кыргызстана на переломном этапе. Избранные сочинения в 3 томах*, Бишкек, ОО «Экономисты за реформу».
14. Князев А. (2012) *Векторы и парадигмы киргизской независимости (очерки постсоветской истории)*. Бишкек.
15. Национальный статистический комитет Кыргызской Республики (2011), *Кыргызстан в цифрах. Статистический сборник*, Бишкек.
16. Национальный статистический комитет Кыргызской Республики (2010), *Перепись населения и жилищного фонда Кыргызской Республики 2009 года*, Бишкек.
17. Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. *Преступность и правопорядок в 2005-2010 г.*, Бишкек.
18. Национальный статистический комитет Кыргызской Республики (2011), *20 лет независимости Кыргызской Республики: цифры и факты*, Бишкек.
19. Отдел реализации проектов Всемирного банка «Наращивание потенциала в области управления и администрирования доходной части в горнодобывающей промышленности и секторе природопользования» (2005). *Горнодобывающая промышленности как источник роста экономики Кыргызстана*, Бишкек.
20. Рейтинг коррумпированности Кыргызстана (2005), URL: <http://www.publicpolicy.kg/index.php>
21. Доклад к Саммиту ОБСЕ (2010), *События в Кыргызстане и безопасность на постсоветском пространстве*, Москва.
22. Статистический ежегодник (1991), *Народное хозяйство СССР в 1990 г.*, Москва, Финансы и статистика.
23. Ситнова И. (2011), «Сравнительный анализ «цветных революций» в странах постсоветского пространства», *Власть*, № 5.
24. Тощенко Ж.Т. (2004), «*Этнокрафия*», Татарский мир, №17.
25. Тойнби А. (1996), *Постижение истории*. Москва.
26. *Туркестан в начале XX века: К истории истоков национальной независимости* (2000), Ташкент.
27. *220 лет первого кыргызского посольства в Россию* (2008), Бишкек.

Рецензент: д.полит.н., профессор Артыкбаев М.